

Елены Глинской. Может быть, конкретный образ недостойной вдовы по контрасту вызвал в представлении Максима—отвлеченный образ овдовевшей власти, царственной жены Василия, которая в траурной одежде сидит у дороги, окруженная со всех сторон зверями.¹ Тема Слова была ответственной и рискованной: нужно было сказать всю правду и вместе с тем не раздражить зверей. Не даром Василия, уступая настойчивым просьбам странника поведать о своих бедствиях, говорит, что она не хотела сначала рассказывать о себе, чтобы ее рассказ, будучи записан странником, не навлек на него какой-нибудь напасти.

II. ВЗГЛЯДЫ МАКСИМА ГРЕКА НА ВЛАСТЬ И ЕЕ ЗАДАЧИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

§ 10. Исходной точкой Максима Грека во взглядах на светскую власть, на отношение ее к власти духовной служила так называемая заповедь Юстиниана, вошедшая в Кормчие и давно известная нашим публицистам.² Максим Грек в своих сочинениях несколько раз вспоминает эту заповедь и по поводу ее высказывает свои мысли. Есть у него и другие места, касающиеся вопроса об отношении светской и духовной власти. Необходимо рассмотреть этот материал в хронологическом порядке, чтобы уяснить не только постоянные пункты в позиции Максима, но и те отдельные стороны вопроса, которые освещались в зависимости от условий момента. Впервые ссылка на заповедь Юстиниана встречается у Максима в 1519 г. в послании к вел. кн. Василию Ивановичу по поводу окончания перевода псалтыри. В этом послании Максим Грек приводит точную цитату из заповеди Юстиниана (т. е. из предисловия к 6-й новелле Юстиниана) в таких словах: «Превеліа въ челоуѣцѣхъ суть дарованіа божія отъ вышняго челоуѣколюбіа дана, священство и царство; священство убо божественнымъ служаще, царство же челоуѣческихъ вещей начальствующе и промышляюще, и отъ единого и того же начала обоя исходяща челоуѣческую украшаютъ

¹ Как в других случаях, так и здесь я не касаюсь чисто литературных влияний на Максима Грека, но кстати отмечу, что некоторые соображения о литературном происхождении образа Василия были высказаны акад. А. С. Орловым в докладе, читанном 22 февраля 1920 г. в заседании Общества истории литературы, где он предположил, что на создание этого образа могло повлиять «такое византийское произведение, в котором государство изображалось бы в виде опозоренной царственной женщины, подобно тому, как это читается в одном стихотворении Иоанна Геометра и в Истории Никиты Хониата». По этому поводу можно добавить, что образ государства-женщины или церкви-женщины достаточно распространен в средневековой литературе. Есть он и у Савонаролы. См. Виллари. Савонарола и его время, т. I, стр. 18, 1913.

² М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 115, 116.